

ИСТОРИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В БИОГРАФИЯХ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

ОТ
ШЕЛКА
ДО
КРЕМНИЯ

**10 ЛИДЕРОВ, КОТОРЫЕ
ОБЪЕДИНИЛИ МИР**

ДЖЕФФРИ ГАРТЕН

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Оглавление

Введение	10
Глава I. Чингисхан	15
<i>Человек, который случайно построил империю</i> 1162–1227	
Глава II. Энрике Мореплаватель	47
<i>Первым постигший премудрости географических открытий</i> 1394–1460	
Глава III. Роберт Клайв	75
<i>Ловкач, захвативший Индию для Британской империи</i> 1725–1774	
Глава IV. Майер Амшель Ротшильд	115
<i>Крестный отец международной банковской системы</i> 1744–1812	
Глава V. Сайрус Филд	149
<i>Магнат, протянувший кабель между континентами</i> 1819–1892	
Глава VI. Джон Рокфеллер	187
<i>Гигант, основавший топливную отрасль и заложивший основы международной благотворительности</i> 1839–1937	
Глава VII. Жан Монне	223
<i>Дипломат, преобразивший Европу</i> 1888–1979	
Глава VIII. Маргарет Тэтчер	267
<i>Железная леди, возродившая свободный рынок</i> 1925–2013	

Глава IX. Эндрю Гроув	309
<i>Человек, стоявший за третьей промышленной революцией</i>	
1936–2016	
Глава X. Дэн Сяопин	351
<i>Прагматик, перезапустивший Китай</i>	
1904–1997	
Глава XI. Все лучшее — впереди	389
Послесловие	407
Примечания	410
Библиография	434
Благодарности	472
Об авторе	474

Глава VIII

Маргарет Тэтчер

*Железная леди, возродившая
свободный рынок*

1925–2013

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Десятилетняя девчушка с короткими светлыми волосами, зачесанными набок и открывающими свежее личико, складывала ярко-красные предвыборные листовки, бегала туда-обратно от штаба Консервативной партии к избирательному участку и передавала взрослым все, что услышала. Это было 14 ноября 1935 года, день выборов в Англии, и Маргарет помогала своему отцу Альфреду Робертсу представлять кандидата-консерватора из их родного городка Грантема¹.

Годы спустя Маргарет Робертс станет Маргарет Тэтчер, первой женщиной премьер-министром в истории Великобритании и лидером крупной промышленно развитой демократии. Но этим ее исключительность не ограничивается. Тэтчер была одной из самых ярких сторонниц либерализации торговли и инвестиций, приватизации государственных компаний, слияния рынков и уменьшения влияния профсоюзов. То есть всего того, что служит развитию глобализации. Чтобы оценить тот вклад, который Маргарет Тэтчер внесла в построение взаимосвязанного мира, следует разобраться, что означало освободить рыночные силы от административного контроля. До того как Тэтчер заняла пост премьер-министра, государству принадлежало множество предприятий в телекоммуникационной, энергетической

и транспортной отраслях. Все они получали поддержку от государства и в большинстве своем были закрытыми монополиями, поэтому не испытывали необходимости становиться современнее и привлекательнее для потребителя или выходить на международный уровень, чтобы конкурировать и развиваться. Как только предприятия были приватизированы — переданы частным владельцам, — срочно потребовалось глобализировать их деятельность, чтобы повысить рентабельность. Правительство Тэтчер смягчило правовые нормы, ограничивавшие деятельность лондонского Сити, что привело к созданию более конкурентоспособного финансового центра, отчасти потому, что теперь британские банки могли свободно вступать в партнерские отношения с иностранными компаниями. В качестве третьего примера можно привести результат, к которому привела атака Тэтчер на профсоюзы. Как только профсоюзы лишились большей части своих полномочий, занятому населению, чтобы выжить, пришлось становиться более конкурентоспособным, тем более что правительство придерживалось идей фритредерства*.

Все эти меры стали фактором глобализации экономической деятельности Англии. Однако, как и некоторые другие герои этой книги, Маргарет Тэтчер своей деятельностью сломала немало человеческих судеб. Тэтчеризм привел к уничтожению многих сообществ, обнищанию многих людей и к резкому росту неравенства в обществе, и без того одержимом классами, где богатые образованные люди со связями получали больше преимуществ, чем все остальные.

С определенного момента жизнь Тэтчер обросла мифами, в одном из которых бакалейная лавка ее отца представляла хрестоматийным

* Фритредерство — направление в экономической теории, политике и хозяйственной деятельности, провозглашающее свободу торговли и невмешательство государства в частнопредпринимательскую сферу жизни общества. *Прим. ред.*

капиталистическим предприятием, где владельцы боролись за прибыль, чтобы выжить. Чтобы получить эту прибыль, им приходилось соответствовать предпринимательским идеалам: тяжело работать, вести счета и налаживать добрые отношения с покупателями. Успехи и неудачи магазина, если не считать нормирования в военное время и пошлин на импорт, мало зависели от правительства. Магазинчик отца на углу улицы в Грантеме стал таким же символом, как бревенчатый домик Авраама Линкольна².

Вспоминая отца, Тэтчер всегда говорила о колоссальной роли, которую он сыграл в ее жизни, тогда как образ матери, хорошей домохозяйки, не оставил ярких воспоминаний. «[Отец] говорил мне, что сначала нужно выяснить, во что веришь, — рассказывала она. — А затем воплощать это. И не идти на компромисс в том, что важно»³. Когда у Альфреда было время, он занимал различные административные посты — работал олдерменом*, мэром, председателем торговой палаты и Ротари-клуба, — поэтому интерес к общественной работе передался дочери. Молодая Маргарет была сильно впечатлена работой отца в Ротари-клубе, где он организовывал кампании для помощи нуждающимся, и с тех пор частную благотворительность считала лучше прямой государственной помощи бедным.

Альфред был набожным методистом, и жизнь семьи вращалась вокруг церкви. Тэтчер проводила там почти каждое воскресенье. Спустя годы она говорила, что для отца вера была вопросом выбора между правильным и неправильным. «Были какие-то вещи, которые мы просто не делали, — вспоминала она. — Понятие долга было очень-очень

* Олдермен — до принятия парламентом Великобритании в 1972 году Закона о местном самоуправлении олдерменом называли старшего советника, избираемого на шесть лет из числа членов совета графства или города путем непрямых выборов. Олдерменов, как правило, советники избирали из своей среды. *Прим. ред.*

крепко в нас укоренено. Долгу перед церковью, долгу перед соседями и доброй совести всегда придавалось большое значение»⁴.

Тэтчер росла в атмосфере жертвенности и мужества, сформировавшейся в Британии за годы Второй мировой войны. С четырнадцати лет в ее распорядок дня входили регулярные отключения электричества и надевание противогаза под вой сирен. Во время войны бомбы, сброшенные на фабрики Грантема, убили около семидесяти человек, и около двухсот получили ранения. В то время как многие жители города хотели, чтобы Великобритания вышла из войны, Альфред Робертс считал необходимым перевооружение для защиты империи, которую считал оплотом законности и порядка. Он скептически относился к Лиге Наций и утвердился в своем мнении, когда та не смогла предупредить возвышение Гитлера. Его дочь будет согласна с ним практически во всем и, когда ей представится возможность, станет проводить жесткую внешнюю политику.

«Борьба двух укладов»

В октябре 1944 года Маргарет поступила в Оксфордский университет, чтобы изучать химию. Она вступила в Учебную группу методистов и в Ассоциацию консервативной партии Оксфордского университета, где в кругу единомышленников получила первые представления о политике. Когда в 1945 году закончилась война, Лейбористская партия подвергла серьезным нападкам консервативное правительство Уинстона Черчилля, утверждая, что измотанная войной Британия может вернуться в состояние упадка 1930-х годов. Лейбористы считали, что единственный способ восстановить разрушенные города и покончить с послевоенным дефицитом жилья и рабочих мест можно, только если поставить экономику и ключевые отрасли промышленности под

контроль государства. Консерваторы были против подобного усиления государственной власти, но они тем не менее признавали важность роли государства и на тот момент с трудом отличали себя от лейбористов.

У Маргарет такой проблемы не было. Уже в студенческие годы она выделялась способностью с пылом и убежденностью объяснять идеи, присущие консерваторам. Предвосхищая спорные вопросы, которые ей придется разрешать на протяжении всей карьеры, она отвергала социализм, государственный контроль над промышленностью и общественными учреждениями и профсоюзы, как ей казалось, пагубно влияющие на национальную политику. Она была пламенным патриотом, как и ее отец, и считала, что у Великобритании великая роль в мире, несмотря на то, что страна переживала не лучшие времена: ее финансовое положение было ослаблено войной, а военное влияние затмили США и СССР.

В университете Маргарет принимала участие в студенческих дебатах и часто ездила в Грантем, чтобы воодушевить ждущих новостей из мира большой политики местных жителей. Она брала уроки ораторского мастерства. Много с упоением читала⁵. Ее идеи обретали форму благодаря классикам консервативной мысли: «Дороги к рабству» Фридриха Хайека с его неутешительным прогнозом будущего социализма; «Имперского содружества» лорда Элтона, с оптимизмом смотрящего в будущее Британской империи; и романа Артура Кестлера «Слепая тьма» о жестоких реалиях советского коммунизма.

В 1947 году Маргарет получила диплом и нашла работу химика-исследователя. Затем она устроилась в исследовательский отдел компании J. Lyons & Co. в Хаммерсмите, где работала над улучшением вкусовых качеств мороженого и начинок для пирожных. Все вечера и выходные она посвящала политике. В 1948 году в ее политической жизни случился первый прорыв, когда на съезде Консервативной партии в уэльском Лландидно она познакомилась с председателем местной ассоциации

Джоном Миллером. Он искал человека, который мог бы баллотироваться в парламент от его округа — Дартфорда. Много лет подавляющее большинство жителей Дартфорда голосовали за лейбористов, и Миллер искал деятельного молодого кандидата, который, по меньшей мере, сможет провести убедительную кампанию. Маргарет Робертс проиграла выборы в 1950 году, а затем и в 1951-м, но поразила всех своими идеями и энергией. Она спала по четыре часа в сутки, но зато успевала посмотреть, как работает продавец в магазинах и рабочим на фабриках. Она хотела побывать везде, познакомиться с каждым, делала всё, чтобы привлечь внимание общественности, даже переодевалась в официантку, чтобы попасть в мужские клубы, где ее, разливавшую пиво, фотографировали для газет⁶.

Темы агитационных выступлений Маргарет Робертс в 1950–1951 годах практически не отличались от того, что она говорила три десятилетия спустя на посту премьер-министра⁷: предложения лейбористов угрожают британскому укладу жизни; социальное государство лишает граждан их естественного желания быть самостоятельными; управление экономикой похоже на управление домашним хозяйством — расходы должны соответствовать доходам, только и всего; Британскую империю нужно сохранить; фунт стерлингов нужно укрепить; «величие» Британии нужно вернуть. Вот одно из ее типичных выступлений:

«Мы вступаем в одну из величайших схваток, которые видела наша страна, — борьбу двух укладов жизни, один из которых ведет к рабству, другой — к свободе. <...> В 1940 году не крик о национализации поднял страну на борьбу с тоталитаризмом. Это был зов свободы и права»⁸.

Во время первой дартфордской кампании Маргарет познакомилась с бизнесменом Денисом Тэтчером, наследником процветающего

химического бизнеса. У них совпадали взгляды на политику и во многих других сферах. 13 декабря 1951 года они поженились. Тэтчер долгое время продолжала работать в J. Lyons & Co., чтобы иметь возможность изучать право по вечерам. В январе 1954 года, спустя месяц после рождения двойни, она стала практикующим адвокатом. Хороший доход мужа позволил ей нанять помощниц по хозяйству для воспитания детей и полностью посвятить себя карьере. «Браки свершаются на небесах, а деньги должны делаться на земле»⁹, — сказала она однажды. В 1956 году Тэтчер решила снова пойти в политику, но ей понадобились еще два года, чтобы получить место от консерваторов в Финчли, зажиточном квартале на севере Лондона. Эта кампания добавила новые принципиальные положения в ее политическую программу, в том числе призыв снизить налоги, чтобы стимулировать рост благосостояния, и осуждение выделения государственных субсидий промышленникам как нравственно недопустимого в сложной ситуации.

Убежденным консенсус не нужен

В возрасте тридцати четырех лет она легко получила место в Финчли, и ее карьера пошла в гору. 5 февраля 1960 года Тэтчер выступила с первой речью в парламенте, представив законопроект, расширявший доступ СМИ на местные правительственные заседания. Она говорила полчаса, приводя на память множество фактов и цифр с той же энергией и напором, которыми будут сопровождаться все ее выступления в парламенте.

С лета 1961 года Маргарет Тэтчер сменила несколько государственных постов. При Гарольде Макмиллане она работала младшим министром пенсий и национального страхования. На этом посту она своими глазами увидела, насколько сложная бюрократическая структура

обслуживает сферу социальной защиты населения. В теневом кабинете премьер-министра Гарольда Вильсона, вступившего в должность в 1964 году, она занимала посты в отделах социальных пособий, финансов, жилищных условий, транспорта, образования и науки, получив опыт в управлении и исключительные навыки проработки программ. Готовясь к обсуждению законопроекта лейбористов о налогах, Тэтчер изучила все доклады о бюджете и все финансовые законопроекты за последние десять лет. Она пришла в палату общин подготовленной гораздо лучше своего оппонента и публично разнесла его в прах за то, что он разбирался в политике своего правительства хуже, чем она. Ее биограф Джон Кэмпбелл писал: «Сила, которая преобразовывала британскую политику на протяжении последующих двадцати лет, крылась в уверенности миссис Тэтчер в том, что политика — это арена борьбы принципиально противоположных философий, в ее презрении к малодушным людям и категоричном мнении, что партии с четкой философией для исполнения своей программы требуется исключительно „достаточное“ большинство, а не приемлемый „консенсус“»¹⁰.

Консерваторы выиграли выборы в 1970 году и собирались вернуться к власти с Эдвардом Хитом в роли премьер-министра, но его четырехлетний срок стал полным провалом. Хит вступил в должность, обещая покончить с прошлым и проводить настоящую консервативную политику. Как и президент Ричард Никсон, он обещал сократить правительство, но в итоге оно стало только больше. Он обещал значительно урезать государственные расходы, уменьшить влияние профсоюзов и снизить государственное финансирование разваливавшихся промышленных предприятий, но ничего из этого не сделал. По факту он пытался восстановить экономику за счет дефицитного финансирования, поддержки слабых предприятий и уступок требованиям профсоюзов. В тщетной попытке сдержать инфляцию он разработал директивы

по формированию зарплат и цен. В глубине души Хит больше хотел наладить управление системой, чем менять ее¹¹. Средства массовой информации называли каждое его действие «кардинальной сменой курса», что приводило в бешенство правое крыло Консервативной партии, и больше всех Тэтчер. Ее до глубины души возмущала политика Хита, который не смог твердо противостоять социализму и внятно представить консервативные ценности¹².

Часть консерваторов собиралась для обсуждения правительственных проектов в Институте экономических отношений. Они требовали пересмотреть основные направления экономического курса. Громче всех высказывался Кит Джозеф, член аппарата Хита, который уже не раз выдвигал четкие предложения по изменению ряда политических мер. «Мы [в Великобритании] сейчас во многих отношениях бóльшие социалисты, чем любая другая развитая страна вне коммунистического блока — по размеру бюджетного сектора, степени государственного контроля и так далее. <...> Мы унаследовали смешанную экономику, которая становится все более хаотичной, пока мы изо всех сил стараемся запустить в стране полусоциализм»¹³. Хотя целью этой испепеляющей критики был сам Хит, он, казалось, был готов прислушаться и попросил Джозефа учредить Центр политических исследований. Джозеф пригласил Тэтчер на должность вице-председателя, и она согласилась, что стало первым знаком ее готовности бросить вызов премьер-министру, который теперь был ее непосредственным руководителем¹⁴.

Хит назначил Тэтчер министром образования и науки, и она с головой окунулась в новые обязанности, сводя с ума подчиненных своей дотошностью и властным характером. Она настаивала на прочтении и редактировании каждого документа, вышедшего до нее, и при первой возможности обрушивалась на сотрудников с критикой. Один из ее подчиненных вспоминал, что выходил с ее совещаний «выжатый

как лимон». Еще один отзывался о ней так: «Она — палач. Делает вывод о человеке за десять секунд и вряд ли его уже изменит. Только откроешь рот, тут же получишь какой-нибудь ярлык». Последнее слово всегда должно было оставаться за Тэтчер. Если она проигрывала в споре по одному вопросу, то переключалась на другой. С другой стороны, она умела быть любезной: могла приготовить кофе на всех, а то и ужин, если работа затягивалась допоздна¹⁵.

За четыре года работы в кабинете министров самый тяжелый урок Тэтчер вынесла из скандала, который разразился после ее предложения отменить выдачу бесплатного молока школьникам. Несмотря на то что она приводила в исполнение указ Хита о сокращении расходов и реализовывала программу своего предшественника-лейбориста, предусматривавшую экономию восьми миллионов фунтов стерлингов за счет отмены бесплатной раздачи молока детям в возрасте от семи до одиннадцати лет, противники Тэтчер сразу же нарисовали образ матери, отказывавшей детям в молоке. Один из членов парламента от Лейбористской партии сказал, что Тэтчер «для британского образования что Атилла для западной цивилизации»¹⁶. Таблоид Sun назвал ее самой нелюбимой женщиной Британии¹⁷, а авторы заголовков шутили о «Тэтчер — похитительнице молока». Критика была настолько громкой, что ее муж Денис предложил задуматься об уходе из политики. Тэтчер снесла обиду. «Заковали мою душу в железо»¹⁸, — вспоминая о том случае, процитирует она позже библейские строки. Этот скандал подготовил Тэтчер к намного более крупным разногласиям, которые не раз возникнут за время ее премьерства.

Тэтчер преодолела эту ситуацию во многом благодаря тому, что премьер-министр Хит был на ее стороне. Однако правительство Хита уже было смертельно ранено кардинальными сменами курса, к тому же страна ослабевала от растущей безработицы, забастовок рабочих, резкого роста цен на нефть и инфляции. Однако даже после того, как

консерваторы проиграли выборы в марте 1974 года, Хит отказался покинуть пост партийного лидера, и вскоре правое крыло партии откажется его поддерживать.

«Безнадежная затея»

Первый удар Хит получил не от Тэтчер, а от Кита Джозефа, который в одной из своих речей намеренно обмолвился о том, что британское правительство должно снять с повестки дня борьбу с безработицей, на которую ушли многие годы. Страна переживала долгий период упадка и видела толпы потерявших надежду безработных, поэтому каждое послевоенное правительство, будь то лейбористы или консерваторы, следовало предписаниям экономиста Джона Мейнарда Кейнса, который утверждал, что в трудные времена власть должна стимулировать рост, создавая рабочие места, даже если для этого приходится влезать в долги. Джозеф отверг принцип Кейнса, заявив, что государственные расходы лишь ускоряют рост бюджетного дефицита, истощают размер ссудного капитала и увеличивают процентные ставки для частного бизнеса — а бизнес как раз и является настоящим источником рабочих мест. Хуже того, государственные дотации неэффективным предприятиям с низкой производительностью окажут обратный эффект: приведут к инфляции, подорвут экономический рост, и тонущим предприятиям будет еще сложнее погасить свои долги. Новый подход, по мнению Джозефа, должен был заключаться в борьбе с инфляцией за счет регулирования денежного обращения, сокращения государственных займов и дефицита, что, в свою очередь, должно было высвободить капитал на поддержку частного предпринимательства. Он уверял, что в новой динамичной экономической среде, созданной консерваторами, конкурентоспособный частный сектор будет процветать и создавать рабочие места.

Когда Джозеф решил потеснить Хита с места партийного лидера, Тэтчер согласилась вести его кампанию. Однако спустя несколько недель Джозеф выступил с речью о проблеме подростковой беременности, которая была настолько неpolitкорректной, что реакция общественности вынудила его снять свою кандидатуру с выборов. Тэтчер сказала мужу, что хочет предпринять попытку вытеснить Хита самостоятельно, на что Денис ответил: «Ты сошла с ума. Это безнадежная затея»¹⁹. И тем не менее 25 ноября 1974 года Тэтчер пришла к Хиту, чтобы сообщить, что вступает с ним в политическую борьбу.

Как и Денис Тэтчер, многие консерваторы считали, что у Маргарет нет шансов, поэтому они начали прикладывать усилия, чтобы заблокировать ее кандидатуру. Противники раскопали старое интервью, в котором Тэтчер говорила, что она сделала запас консервов на случай крайней необходимости и советовала всем домохозяйкам последовать ее примеру. Это дело повернули так, будто она тайно запасает продовольствие. Газеты тиражировали ложные обвинения в том, что Тэтчер скупает весь сахар, который в то время был в дефиците. Эта грязная кампания, напоминавшая скандал с «похитительницей молока», прекратилась, лишь когда выяснилось, что магазина, в котором якобы закупалась Тэтчер, вовсе не существовало. Позднее Тэтчер вспоминала, что была настолько сильно обижена, что у нее практически на глаза наворачивались слезы и сжимались от ярости кулаки, и тем не менее она сказала другу: «Я видела, как они уничтожали Кита [Джозефа]. Что ж, меня им не уничтожить»²⁰.

В начале января 1975 года Тэтчер начала кампанию против Хита с самого главного — со слов о том, что британский народ пришел к выводу, будто «слишком многие консерваторы уже превратились в социалистов», и что у нее почти не осталось оснований «поддерживать партию, которой не хватает смелости иметь убеждения»²¹. Она сразу же обнародовала свои

базовые взгляды: обеспечить индивидуальную свободу, противодействовать чрезмерной государственной власти, дать право трудолюбивым и хозяйственным людям пользоваться плодами своего успеха и передавать их своим детям, обеспечить право граждан работать без притеснений со стороны руководства или председателя профсоюза. В то же время Тэтчер старалась смягчить свой образ. На телевидении и в прессе она представляла в роли практичной домохозяйки. На совещаниях с коллегами-парламентариями начала интересоваться их мнением и внимательно выслушивать чужую точку зрения. 11 февраля 1975 года Тэтчер одержала уверенную победу над Хитом и стала первой женщиной, вставшей во главе крупной западной политической партии. Daily Telegraph выражал точку зрения многих представителей потрясенной политической элиты, когда писал:

«Каким руководителем окажется миссис Тэтчер, еще предстоит выяснить <...>. Но она придает большое значение упорному труду и хорошей награде за успех. Имея скромное происхождение, она преуспела благодаря своим усилиям, способностям и смелости. У нее нет унаследованных богатств или привилегий. Ей не приходится мучиться роковым и часто встречающимся чувством вины за большое состояние <...>. А это как раз одна из причин, по которой Великобритания зашла так далеко по пути коллективизма. Что миссис Тэтчер следовало бы сделать, так это придать недостающий *нравственный* аспект нападкам тори на социализм»²².

Именно это она и собиралась сделать.

Маргарет Тэтчер в роли теневого премьер-министра руководила оппозиционной деятельностью Консервативной партии, а экономика страны тем временем рушилась. Все ее предостережения о вреде социализма начали сбываться: критики называли Великобританию серой посредственностью и сравнивали с корпоративистским государством

Восточной Германии; инфляция приближалась к 25%; забастовки рабочих становились все чаще, а их требования — все жестче; предельная ставка налога достигала 98% для самых богатых британцев, полностью подавляя индивидуальную инициативу. Тэтчер налаживала отношения с миллионами граждан, которым надоела удушающая бюрократия и политика компромиссов и которые поголовно соглашались с ее мнением, что упадок Великобритании вызван принятием аморального социализма. Однажды она присутствовала на совещании, где обсуждался вопрос о том, что Консервативной партии следовало бы встать на центристский путь между обычными британскими компромиссами. Тэтчер громко запротестовала и, швырнув на стол «Конституцию свободы» Хайека, который предлагал бескомпромиссный взгляд на консервативную философию, заявила: «Вот во что мы [консерваторы] верим»²³.

Тэтчер была сильным политиком и на мировой арене²⁴. В период с 1975 по 1979 год она дважды посетила США, получив широкую известность как сторонник «особых отношений» между Великобританией и Соединенными Штатами Америки, выросших из альянса во время Второй мировой войны, и как открытый сторонник идеи о том, что главной целью союзников отныне должно стать устранение (а не просто сдерживание) коварной угрозы марксистского социализма и ее источника — Советского Союза. 19 января 1976 года она осудила экспансионистские замыслы советского тоталитаризма в отношении Восточной Европы и развивающихся стран Азии и Латинской Америки. В ответ на это советская газета «Красная звезда» назвала Тэтчер «железной дамой»^{25*}. На радость британцам это прозвище прочно закрепилось, исключив любые подозрения в ее слабости. Позднее она скажет, что СССР этим оказал ей «величайшую услугу»²⁶.

* Статья называлась «Железная дама страшает». Позже в английской прессе ее заголовки перевели как «Железная леди», именно в таком виде прозвище и закрепилось. *Прим. ред.*

Тэтчер собрала вокруг себя самых опытных имиджмейкеров, чтобы выглядеть в СМИ, с одной стороны, жестким, но не пугающим лидером, контролирующим программу Консервативной партии и способным возглавить правительство, когда придет время, а с другой — домохозяйкой, не забывающей о заботах обычных людей. Тэтчер наняла опытного драматурга Рональда Миллара, чтобы тот помог ей отточить слог. На первой встрече он привел ей несколько цитат Авраама Линкольна:

Нельзя усилить слабого, ослабляя сильного.

Нельзя породить процветание, порицая бережливость.

Нельзя улучшить положение работника, ухудшая положение его работодателя.

Тэтчер достала из сумки пожелтевшую газетную вырезку с этими же словами, добавив: «Всегда ношу их с собой»²⁷.

Ее советники режиссировали публичные появления, чтобы в вечерних новостях цитировались ее хлесткие реплики²⁸. Они помогали ей создавать образ дочери бакалейщика, домохозяйки, которая покупает продукты для семьи и каждое утро готовит мужу завтрак, женщины со скромным достатком, которая благодаря своему труду взошла на самый верх социальной и политической лестницы. Она прислушивалась к стилистам в выборе гардероба, занималась с преподавателем, чтобы исправить манеру речи, приобретенную в Оксфорде. Эти азы любой современной политической кампании, хотя и были известны в США, в чопорной политической среде Великобритании были в то время совершенно новыми и окупились сторицей. Таблоиды стали называть ее не только Железной леди, но и просто «Мэгги».

При лейбористском премьер-министре Джеймсе Каллагэне Британия переживала кризис за кризисом. В 1976 году инфляция и безработица привели к серьезному валютному кризису, который вынудил

Каллагэна с позором обратиться в Международный валютный фонд с просьбой о займе для поддержки британского фунта. Не прошло и двух лет, как Каллагэн снова был вынужден просить МВФ о помощи: на этот раз причиной займа было резкое сокращение государственных расходов и уменьшение денежной массы (за подобную программу выступали правые консерваторы). К концу 1978 года процентные ставки составляли 16%, инфляция — 20%, производство остановилось, а число безработных превысило миллион человек²⁹.

Но худшее было еще впереди: наступила «зима недовольства», когда страна оказалась парализована крупнейшими за последние полвека забастовками. Прекратили работать медики, мусорщики, дальнобойщики, портовые и железнодорожные служащие и даже могильщики — казалось, что страна вышла из-под контроля лейбористов. Возмущенные подданные надеялись, что консерваторы спасут Британию, казалось, от необратимого спада, и в апреле 1979 года обеспечили Тэтчер и ее партии блестящую победу в выборах. Эта победа кардинально изменит курс государства. «Знаете, — сказал Каллагэн после поражения, — бывают времена, возможно, каждые тридцать лет, [когда] политике нужны кардинальные перемены. И тогда неважно, что вы говорите или делаете. В обществе происходит смена желаний и объектов одобрения. Думаю, настала пора кардинальных перемен — пора миссис Тэтчер»³⁰.

**«Не говорите мне, что делать, я сама знаю.
Лучше скажите, как»**

Тэтчер понимала, что возрождение экономики — необходимый шаг на пути к достижению ее самой заветной цели: восстановлению мирового статуса Великобритании. Экономическая сила страны была обязательным условием для сохранения роли старшего европейского

партнера США, для защиты от советской экспансии и становления в качестве ключевой фигуры Европейского сообщества (которое пришло на смену Общему рынку и впоследствии стало Европейским союзом). Великобритания вошла в Европейское сообщество в 1973 году, и, хотя Тэтчер поддержала этот шаг, она всегда хотела ограничить власть Европы и довести до максимума количество решений, принимаемых страной самостоятельно. Несмотря на мрачное экономическое состояние, Тэтчер считала, что всего этого вполне реально достичь. Не так давно Великобритания обнаружила нефть в Северном море, и Тэтчер решила, что эта внезапная удача позволит снизить зависимость от импорта нефти, а также сократит расходы британских предприятий на электроэнергию, а значит, сделает их товары более конкурентоспособными на мировом рынке. Не менее важным ей казалось и то, что государство придерживается политики, которая четко ведет его в новом направлении. «Раньше мы преувеличивали нашу власть, — писала она в мемуарах, — теперь же мы преувеличивали бессилие»³¹.

В 1970-х годах бóльшая часть Запада страдала от тех же экономических потрясений, которые угрожали пустить под откос Британию. В 1971 году Вашингтон отменил «золотой стандарт», и стоимость основных валют начала колебаться, провоцируя нестабильность во всем мире. Через два года арабские производители нефти ввели эмбарго, после чего четверо взвинтили цены на нефть, что негативно сказалось на промышленности, привело к увеличению безработицы и вызвало нестабильность на мировых финансовых рынках. Ценовое давление возникло в тот момент, когда в индустриальных странах инфляция уже и так набирала обороты, разгоняясь вслед за требованиями профсоюзов увеличить зарплаты и государственные расходы на социальные программы. В Западной Европе расходы на социальные нужды увеличивались на 7% в год, или в два раза быстрее среднего роста ВВП³².

За предыдущие полвека в индустриальных экономиках Западной Европы, Северной Америки и Японии роль правительства усиливалась. Если до Первой мировой войны государственные расходы в этих регионах составляли около 10% ВВП, то к 1980 году возросли до 43%³³. Правительственные программы требовали более высоких налогов или крупных займов, и в результате принимаемых мер в тисках оказывались граждане и предприниматели — герои тэтчеровского мира. Войдя в кабинет с мандатом от избирателей, требующих перемен, Тэтчер, пытаясь переломить ситуацию, надавила на советников, заявив: «Не говорите мне, *что* делать, я сама знаю. Лучше скажите, *как*»³⁴.

Короче говоря, Тэтчер останавливала социалистический порыв использовать руку государства для контроля над рыночным хаосом — порыв, вряд ли свойственный одним англичанам. Для сдерживания инфляции Лондон взял под контроль зарплаты и цены, но то же самое делала и администрация президента Никсона. Англия национализировала предприятия, но тем же занималась Франция и многие другие страны, даже не входившие в коммунистический блок. Вскоре после того, как Тэтчер стала премьер-министром, ряд стран Латинской Америки, включая Мексику, объявили о невыполнении обязательств по государственным долгам: к этому привели раздутый государственный сектор и неэффективные национализированные предприятия.

Требовалась исключительно мощная фигура, которая боролась бы с опасно возrastавшим влиянием государства на экономику. Для правительства было важно прежде всего сократить государственные расходы, взять под контроль инфляцию, устранить валютный контроль, позволить британскому фунту найти свой курс на мировом рынке, снизить пошлины и открыть страну для иностранных инвестиций,

либерализовать экономику и приватизировать национальные предприятия, а также снизить влияние профсоюзов. Позднее Тэтчер будет вспоминать важность момента и свою внутреннюю уверенность: «[Государственный деятель XVIII века и премьер-министр] Четэм сказал: „Я знаю, что могу спасти эту страну, и что никто другой не может“. <...> Признáюсь, что мой энтузиазм был основан на том же убеждении»³⁵.

С самого начала правления Тэтчер избегала компромиссов консенсусной политики, работая с членами своего кабинета или один на один с ключевыми должностными лицами. Она ненавидела само понятие консенсуса, называя его «процессом отказа от своих убеждений, принципов, ценностей и стратегий во имя чего-то, во что никто не верит и с чем никто не спорит»³⁶. Она редко выносила вопросы и даже важные экономические решения на кабинетное голосование, что для британской политики было нетипично. Она мало кому доверяла и нередко дискредитировала одного чиновника перед другим. Она наслаждалась конфронтацией.

«Леди не поворачивает!»

С первого дня на своем посту Тэтчер начала претворять в жизнь радикальные идеи Кита Джозефа, которые кардинально меняли тенденции последних сорока лет. Она отказалась от стремления во что бы то ни стало увеличить занятость и экономический рост и изменила отношение к бюджету, безжалостно урезая государственные расходы, в том числе субсидии государственным компаниям и выдачу госзаймов. Одновременно с этим Тэтчер снизила прямые налоги на прибыль, а чтобы компенсировать недостачу поступлений, подняла налог на продажи (который, разумеется, больше всего ударил по британцам с низким уровнем

дохода). Она отменила регулирование британской валюты и позволила фунту стерлингов свободно торговаться на мировых рынках. Тэтчер распустила Комиссию по ценам, которая устанавливала размеры зарплат и уровень цен в тщетной попытке сдержать инфляцию. Она нападала на чиновничий аппарат, предлагая уменьшить как его размеры, так и степень влияния на политику. Отныне и впредь, *она* будет задавать направление, а чиновники — ему следовать.

Тэтчер потребовалось всего полгода, чтобы установить свое влияние, однако первые экономические показатели оказались еще более катастрофичными, чем до ее прихода к власти. К началу 1981 года экономика оказалась в еще большем упадке. Инфляция составляла 18%, безработных в стране было три миллиона. Экономический рост и конкуренция снижались. В большинстве прогнозов говорилось, что худшее еще впереди, отчасти, потому что начинался мировой спад, а отчасти, потому что фунт укреплялся. Британский экспорт получал двойной удар: мировая рецессия снижала спрос на британские товары, а сильный фунт делал их дороже на иностранных рынках. Число сторонников Консервативной партии сократилось до 30%, саму Тэтчер поддерживали всего 23%, что было худшим показателем за несколько десятилетий³⁷. Когда члены ее собственного кабинета стали выражать неудовлетворение руководством, Тэтчер произнесла фразу, которой останется верна до конца: «Тем, кто, затаив дыхание, ждет любимое журналистское словечко „кардинальный поворот“, могу сказать только одно. Хотите поворачивать, поворачивайте. Леди не поворачивает!»³⁸

После этого Тэтчер сделала один из самых смелых и противоречивых шагов: в марте 1981 года она представила преувеличенно консервативный бюджет, не учитывавший интересы народной оппозиции; государственные займы и расходы в нем были урезаны еще больше. Она утвердила детские пособия, которые не соответствовали размеру

инфляции, повысила акцизы на алкоголь, табак и бензин, ввела налоги на государственные пособия для больных и безработных. Предложить дефляционный бюджет в период спада означало отказаться от кейнсианского подхода, согласно которому в период рецессии полагалось тратить больше, и большинством консерваторов это было воспринято как издевательство. В том же месяце в совместном письме для Times 364 ведущих экономиста страны написали, что бюджет «усугубит упадок, подорвет промышленную основу нашей экономики и поставит под угрозу социальную и политическую стабильность»³⁹.

Летом в нескольких крупных городах вспыхнули беспорядки, вызванные безработицей и межрасовой напряженностью. Тэтчер стояла на своем, сравнивая Британию с пациентом, которому нужно принять лекарство, чтобы вылечиться от «болезни», и клятвенно обещала, что «правительству хватит мужества смотреть на это до конца»⁴⁰. Даже ожесточенные споры вокруг бюджета вызывали у Тэтчер восхищение. «Она восстановила свое политическое доминирование и заново обрела веру в свой курс, — писала Times. — Если она добьется успеха, это будет выдающаяся личная победа. Если нет, вина останется на ней, но ущерб и число жертв как в политике, так и в экономике будут огромны»⁴¹.

Катастрофическое положение сохранялось вплоть до мая 1983 года. Безработных по-прежнему было три миллиона, однако за четыре года экономический рост снизился на 3%, а объем промышленности — на 15%. Кроме того, резко с 34% до 40% возросла налоговая нагрузка⁴². Да, весь мир находился в рецессии, но в Великобритании дела обстояли куда хуже, чем в большинстве западных индустриальных стран, даже несмотря на открытие нефтяных месторождений в Северном море.

Однако тут в дело вмешался случай, который вознес авторитет Тэтчер на невообразимую высоту.

Война во спасение

2 апреля 1982 года диктатор Аргентины Леопольдо Галтьери неожиданно вторгся на Фолклендские острова — британскую территорию недалеко от аргентинского берега, где проживали всего две тысячи человек, в основном англичане. Историк Чарльз Мур описал это так: «Внезапно Британия оказалась в совершенно унижительном положении. Если бы миссис Тэтчер не смогла этого изменить, ей пришлось бы проститься с должностью премьер-министра»⁴³. Тэтчер встретила с военачальниками, и те заверили ее, что вернут острова. И она начала войну.

Тэтчер понимала, что ставки высоки: победа затмит недовольство бюджетным планированием, и ее обещание восстановить «величие» Британии начнет осуществляться, тогда как поражение, совершенно точно, обречет правительство на общественное порицание. Она сформировала военный кабинет и каждый день в 9.30 утра в течение десяти недель подряд проводила совещания с его членами. Она стала видным верховным главнокомандующим, под стать своему кумиру Уинстону Черчиллю.

Пока британские военные корабли находились в Атлантическом океане, за тысячи километров от Лондона, Тэтчер работала в тесном сотрудничестве с военачальниками, которые очень ценили ее способность слушать, усваивать информацию и принимать однозначные решения. Она приложила немало усилий, чтобы добиться поддержки США и стран Европы и исключения Аргентины из ООН. Ее союзники считали, что перемирия можно достичь одной только демонстрацией серьезных намерений британской армады, однако Тэтчер не собиралась вступать в переговоры до тех пор, пока Аргентина не откажется от Фолклендов. В реальности же морские бои вспыхнули еще до того, как стали возможны какие-либо переговоры, и шли в течение трех недель. К концу сражения Британия потеряла шесть кораблей, тридцать четыре самолета и 255 солдат, еще 777 человек получили ранения; Аргентина лишилась

двух кораблей, семидесяти пяти самолетов и 650 человек. 14 июня, через два месяца после вторжения, Аргентина капитулировала⁴⁴.

Военная победа сделала Тэтчер мировой знаменитостью, великой женщиной-воином. Она привлекла пристальное внимание международной общественности к тому, что Тэтчер делала внутри своей страны. В Великобритании репутация премьер-министра заметно улучшилась, так как фолклендская эпопея пробудила в британцах национальную гордость, напомнив об их извечных добродетелях: целеустремленности, ясности, высокой морали и вере в предназначение страны. Когда в день победы Тэтчер вернулась на Даунинг-стрит*, ее встретила толпа, распевая «Правь, Британия!». 12 октября 1982 года Тэтчер устроила официальный ужин, на который пригласила сто двадцать человек, вложивших, по ее мнению, самый значительный вклад в победу. Все приглашенные были мужчинами: из-за нехватки места супруги были приглашены только на послеобеденный коктейль. Когда гости отужинали и произнесли тосты, Тэтчер поднялась из-за стола. «Джентльмены, — объявила она, — не пора ли нам присоединиться к дамам?» Ее биограф Мур писал, что «это был, возможно, самый счастливый момент в ее жизни»⁴⁵.

Для Тэтчер это была грандиозная личная победа. «В современной истории Британии не было изменения более стремительного и более всеобъемлющего, — пишет Мур. — Теперь она стала полновластным командиром»⁴⁶.

Ветер в ее парусах

Приободрившись, премьер-министр продолжила реализовывать свою программу с еще большей решимостью. Во время кампании переизбрания в 1983 году она почти дословно повторила свои речи 1950 года; она

* По адресу Даунинг-стрит, 10 в Лондоне находится официальная резиденция британского премьер-министра. *Прим. пер.*

снова боролась за победу в «исторических выборах», предлагая выбрать между «двумя абсолютно разными укладами жизни» и получить «возможность рассеять разноликие черные тучи марксизма над нашей землей». Она снова одержала уверенную победу, так как после успешной войны ее грозные предзнаменования вновь обрели убедительность. «Мне было очень тяжело первые три года, очень, очень тяжело, — напишет она позднее. — Но после Фолклендской войны люди поняли, что мы делаем то, о чем и говорим»⁴⁷.

Второй срок Тэтчер принес экономике лучшие результаты: снизилась инфляция, выросло производство, резко возрос экспорт, экономика в Европе быстро поднималась, резко возрос импорт, на фондовом рынке начался бум. В период между 1980 и 1981 годами на протяжении шестнадцати месяцев наблюдался отрицательный прирост ВВП, однако с 1981 по 1989 год он в среднем увеличивался на 3,2%⁴⁸. Кроме того, сократились расходы по обслуживанию государственного долга. Государственные расходы в рамках растущей экономики оставались стабильными.

Одним из следствий политики Тэтчер стало разделение британской экономики на два отдельных сектора. Квалифицированные работники, особенно в сфере финансов, процветали, но те, кто терял работу в производственном секторе, переходили в низший класс. Зарплаты работавших росли, но безработица оставалась рекордно высокой, и разрыв между богатыми и неимущими увеличивался. На смену стремлению к социальному равенству, которое было так важно для послевоенных правительств, пришел социальный дарвинизм, что сильно напоминало Америку Рональда Рейгана.

Политическая оппозиция Тэтчер была по большей части разобщенной и ни на что не годной. Историк Джон Кэмпбелл описывал второй срок Тэтчер, продлившийся с 1983 по 1987 год, как «период, когда вековой политический спор между капитализмом и социализмом, казалось,

был окончательно разрешен в пользу первого. Было установлено непоколебимое моральное и практическое превосходство рынка как фактора благосостояния и эффективного предоставления государственных услуг»⁴⁹. Добившись успеха, Тэтчер стала еще большим автократом и осуществляла тотальный контроль над правительственной программой. Она реорганизовала свой кабинет, включив в него больше сторонников, и команда руководства все больше походила на послушное оружие в ее руках.

Государственная распродажа

Следующим шагом Тэтчер стала распродажа принадлежавших государству компаний. Ни у Великобритании, ни у других стран не было серьезного опыта приватизации. Политический журналист Питер Ридделл назвал этот шаг «эффектной политической инновацией международного значения»⁵⁰, которая реорганизовала промышленную структуру Британии и всю мировую культуру бизнеса. Дэниел Ергин и Джозеф Станислав считают, что это «решающая веха тэтчеризма, которая вместе с его философией окажет величайшее влияние на мир»⁵¹.

Начало было положено, когда после Второй мировой войны британское правительство запустило национализацию ключевых отраслей промышленности, чтобы приспособить производство под общественные нужды. В 1950–60-х годах британские политики были уверены, что конкуренция между частными компаниями нередко приводит к неправильным результатам: управленцы и акционеры получают краткосрочную выгоду, а работники — минимально возможную оплату труда. В теории компании, принадлежавшие государству, должны были действовать в национальных интересах, создавать лучшие условия для сотрудников, проводить инвестиции в долгосрочные проекты и защищать